

АЛЕШКОВА И.А.¹ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ (Обзор)

Аннотация. «Цифровые технологии» – сложное и многозначное понятие, употребление которого часто связано с виртуальным пространством и цифровыми платформами. Многогранное воздействие этих технологий на экономические, социальные и культурные отношения побуждает современных ученых и практиков к осмыслению происходящих изменений в институте прав человека. В рамках данного обзора представлены научные исследования, отражающие влияние цифровых технологий на права и свободы человека и тенденции развития их взаимодействия: расширение системы прав человека; совершенствование механизма их защиты; формирование научно обоснованных теоретических положений, определяющих модели оптимального правового регулирования общественных отношений и др.

Ключевые слова: права и свободы человека; цифровые права; цифровые технологии; цифровая среда; цифровые коммуникации; цифровые платформы.

ALESHKOVA I.A. Digital Technologies and Human Rights: Scientific Approaches and Directions of Development (Review)

Abstract. “Digital technologies” is a complex and ambiguous concept, the use of which is often associated with virtual space and digital platforms. The multifaceted impact of these technologies on economic, social and cultural relations encourages modern scientists and practitioners to reflect on the ongoing changes in the institution of human rights. This review presents scientific research reflecting the impact of digital technologies on human rights and freedoms and trends in

¹ Алешкова Ирина Александровна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент.

the development of their interaction: expanding the human rights system; improving the mechanism of their protection.; formation of scientifically based theoretical provisions defining models of optimal legal regulation of public relations and others.

Keywords: human rights and freedoms; digital rights; digital technologies; digital environment; digital communications; digital platforms.

Для цитирования: Алешкова И.А. Цифровые технологии и права человека: научные подходы и тенденции развития (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – 2026. – № 3. – С. 20–32. – DOI: 10.31249/iajpravo/2026.03.02

Введение

Растущее влияние цифровых технологий на общественные отношения мотивирует ученых-правоведов изучать происходящие изменения в праве в целом и правах человека в частности. В фокусе их внимания – вопросы соотношения виртуального и правового пространств, расширение возможностей человека и появление новых вызовов и угроз в условиях цифровизации. На цифровые инновации государство и общество возлагают большие надежды. Ожидается, что решение многих экономических, социальных, культурных и иных проблем станет более эффективным при использования цифровых технологий, одновременно будут совершенствоваться механизмы защиты прав человека в цифровом пространстве.

Современные научные исследования сосредоточены не только на трансформации классических прав и возникновении нового поколения прав человека – цифровых прав, в них идет острая дискуссия о введении в конституции стран цифровых прав, их содержании, рисках и будущем развитии новых «цифровых» отношений.

В данном обзоре представлены точки зрения исследователей на применение инновационных технологий в цифровой среде, их правовое регулирование, на особенности таких новых социально-правовых феноменах, как цифровые права, виртуальное (кибер) пространство, цифровые платформы, цифровой профиль и др.

Научные и правовые характеристики цифровых технологий в контексте прав человека

В современных юридических исследованиях на основе *комплексного подхода* особое внимание уделяется важности понятийного инструментария, посредством которого происходит освоение новых объектов, их свойств и закономерностей. Ученые, анализируя современное развитие информационно-коммуникационных и цифровых технологий формируют новые понятия и юридические категории.

В коллективной монографии «Право и виртуальное пространство» под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Ю.А. Тихомирова детально рассматриваются стоящие перед правовым регулированием задачи, обусловленные развитием цифровых технологий, анализируется правовая природа информационных технологий как основных инструментов цифровизации, дается оценка правового опыта цифровизации в отдельных сферах. Авторы вводят понятие «виртуальное пространство», под которым понимают «пространство обмена данными между вычислительными устройствами – компьютерами, серверами, маршрутизаторами и другим оборудованием или программным обеспечением» [5, с. 31]. С их точки зрения, «цифровизация и виртуальное пространство не побуждают создавать отдельную отрасль права, в этом нет необходимости, потому что эти явления укладываются в русло традиционно регулируемых процессов» [там же, с. 175].

Исходя из того, что виртуальное пространство связано с правовой сферой, которое регулирует общественные отношения не только в рамках государственной территории, но и за ее пределами, в том числе в виртуальной среде, ученые сосредоточивают внимание на вопросах их соотношения, выделяют этапы формирования системы правового регулирования киберпространства, характеризуют основные инструменты цифровизации и особенности правового статуса субъектов цифрового мира.

Исследуя виртуальное пространство, О.А. Степанов, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (далее – ИЗИСП), доктор юридических наук, профессор, размышляет над дилеммой: «Допустимо ли ставить вопрос о введении нового правового образа – квазиправового взаимодействия, идея которого связана с реализацией общественного и частично государственного контроля за

средствами самозащиты пользователей, обеспечивающими их систему безопасности, дополняемыми определенными превентивными правовыми гарантиями со стороны государства», [5, с. 110]. По мнению О.А. Степанова, виртуальное пространство естественным образом делится на секторы, сформировавшиеся из системы объективных связей между различными позициями субъектов квазиправового взаимодействия, находящихся в альянсе или конфликте друг с другом, каждый сектор строится с учетом своей логики, своих правил и закономерностей функционирования. Исходя из ассоциации виртуального пространства с пространством стилей жизни субъектов квазиправового взаимодействия автор ввести в юридический оборот такие понятия, как «возможности» и «ограничения», которые призваны выступать в качестве аналогов понятий «права» и «обязанности», присущих реальному миру [там же, с. 111].

Функциональный подход позволяет исследователям рассматривать сложные объекты как целостные системы, анализировать не только их структуру, но и взаимные связи их элементов. Так, В.А. Карташкин, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, утверждает, что цифровизация создала дискуссию о цифровых правах, под которыми понимаются новые разновидности «традиционных» информационных прав, предоставляющие огромные возможности для оптимизации и совершенствования реализации прав человека. Одновременно появилось больше возможностей для ограничения этих прав. Так как цифровые права развиваются, появляются новые их виды, В.А. Карташкин предлагает серьезно подумать о международном механизме контроля реализации и защиты цифровых прав [4, с. 949–962].

Заслуживает внимания в связи с этим позиция итальянского юриста Андреа Монти, который в своей монографии «Заблуждение о цифровых правах: люди, машины и информационные технологии» рассуждает о том, есть ли необходимость создавать новые юридические категории, такие как «цифровые права», действуют ли они отдельно от традиционных прав и могут ли они быть реализованы без связи с основными правами? Автор признает, что киберпространство существует объективно, однако считает, что рассматривать его следует как юридическую метафору или юридическую фикцию [10, с. 1–30]. С точки зрения А. Монти, если в цифровой среде возникают новые общественные отношения, требующие правового регулирования, например в Интернете, то нет

«новых прав», которые необходимо признавать, а есть только «старые» права, которые нуждаются в защите от новых и более агрессивных угроз. «Цифровые» права человека, подчеркивает А. Монти, привели к перезагрузке концепции естественных прав человека [10, с. 126–174]. Он разделяет законодательный подход признания программного обеспечения объектом авторского права и промышленным продуктом. Это позволяет применять критерии ответственности за разработку приложений и правовой режим ответственности за цифровые продукты и совершенствовать их и стандарты безопасности. Так, для искусственного интеллекта (ИИ) нужен не только закон, а четкие стандарты, устанавливающие технически приемлемый порог риска. Любое программное обеспечение, если оно не соответствует стандартам, не может быть доступно широкой публике. Установление юридической ответственности и эффективных санкций обеспечит разумную безопасность продуктов, использующих ИИ [там же, с. 32–129].

Как говорилось выше, в современную юриспруденцию стремительно вводятся новые понятия и институты, продиктованные цифровизацией общества. Одним из таких новых понятий, рожденных в цифровой среде и исследуемых учеными ИЗиСП в коллективной монографии «Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе», являются «цифровые платформы». Особое внимание в книге уделяется полиаспектности термина «цифровая платформа», платформенному праву как одному из направлений трансформации права, экспериментальному правовому регулированию в сфере цифровых платформ, правовому статусу участников цифровых платформ.

В книге раскрываются понятие и правовая природа цифровых платформ, дана классификация, выявляются особенности такого нового института цифрового права, как «платформенное право», отличающееся достаточно узкой предметной сферой правового регулирования.

«Платформенное право», с позиции А.А. Ефремова, ведущего научного сотрудника ИЗиСП, доктора юридических наук, – «это комплексное межсистемное нормативное образование с пока незначительной, но имеющей тенденции к развитию международно-правовой составляющей; специфический (локальный) регулятор в рамках функционирования конкретной платформы (экосистемы)» [8, с. 20].

Экспериментальное правовое регулирование в сфере цифровых платформ, с его точки зрения, развивается в двух направлениях:

1) проведение экспериментов на основе отдельно издаваемых нормативных правовых актов (федеральных законов, постановлений Правительства РФ);

2) установление экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций [8, с. 28].

Цифровые технологии и платформенные решения активно внедряются в сферы государственного управления. Опираясь на законодательство, регулирующее деятельность цифровых платформ, авторы выделяют два вида категорий цифровых платформ: публичные (государственные и муниципальные) и частные. При этом отмечается, что публичные цифровые платформы неоднородны, они подразделяются по целям их создания и по кругу участников на две группы: 1) для решения задач государственного управления «внутри» организационной системы государственного управления как Единая цифровая платформа «ГосТех»; 2) для решения более широкого круга задач, включая предоставление государственных услуг гражданам и компаниям. К ним, например, относят единый портал предоставления государственных и муниципальных услуг, единую цифровую платформу в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России». Частные цифровые платформы предназначены для предоставления услуг производителям товаров, работ, услуг и потребителям. Такие платформы иногда называют агрегаторами, службами или сервисами. Государство регулирует и контролирует деятельность частных цифровых платформ, но само в ней не участвует. Соответственно, статусы операторов цифровых платформ этих трех категорий существенно различаются [там же, с. 43].

В книге также раскрываются права и обязанности участников цифровой платформы, возможности платформ выступать как способ организации связей между субъектами и как арбитр в спорах участников платформенных отношений [там же, с. 51–86]. При этом подчеркивается, что «цифровые платформы создают новый социально-экономический уклад, который не формирует отдельную отрасль, а реализует модель, применяемую в различных сферах общественной жизни» [там же, с. 153].

Так как цифровые платформы функционируют в различных сферах государственного управления – в частноправовой, в здравоохранении, в образовании, то требования к цифровой платформе должны учитывать, по мнению С.А. Чеховской, ведущего научного сотрудника ИЗИСП, кандидата юридических наук, техническую и информационную асимметрию, которая может негативно влиять

на реализацию принципов свободы воли, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, а уровень взаимодействия человека и технологий нуждается в определении четких правовых параметров [8, с. 178]. В связи с этим, серьезное внимание уделено выявлению и анализу рисков, связанных с функционированием цифровых платформ. Прежде всего речь идет о рисках нарушения прав человека, замещения государственного правового регулирования саморегулированием [там же, с. 184–196].

Возможности прав человека и вызовы цифровых технологий

Цифровые технологии расширяют возможности для взаимодействия человека, общества и государства. Цифровизация оказывает влияние на существующие права и свободы человека в разных направлениях, с одной стороны, упрощает (или усложняет) их реализацию, с другой – привносит дополнительные акценты в само содержание этих прав [5, с. 173].

Многие правоведы обращают внимание на то, что права человека в условиях цифровой трансформации претерпевают определенные содержательные изменения. Некоторые из прав человека стало легче реализовывать и защищать. Во-первых, современные цифровые технологии позволили сократить время при осуществлении, например, права на обращение в органы государственной власти или право на получение экологической информации можно реализовать в онлайн-режиме. Во-вторых, стал более действенным доступ к государственным и муниципальным услугам. Отсутствие препятствий при реализации прав и свобод – фундаментальный принцип, обеспечивающий реальную возможность каждому индивиду использовать свои права в рамках цифровых платформ, защищать их и получать доступ к государственным услугам посредством цифровых инновационных технологий. Для этого развиваются государственные цифровые платформы и сервисы.

Кроме того, в научной литературе отмечается, что каталог прав человека развивается путем гибридизации некоторых прав либо их отдельных характеристик в виртуальном пространстве. В современный период, можно прогнозировать дальнейшее сращивание права на образование и права на доступ к Интернету; права на доступ к знаниям, получаемым в сети Интернет, и права на участие в культурной жизни; права на конфиденциальность,

свободу от наблюдения и шифрования и права на неприкосновенность частной жизни [5, с. 105].

Изучение влияния цифровых технологий на фундаментальные права человека и их правовое регулирование, как показывает анализ научной литературы, находится в центре внимания многих ученых особенно из-за их трансформации и существующих рисков. Так, по мнению Э.В. Талапиной, доктора юридических наук, главного научного сотрудника Института государства и права РАН «в современный период эволюция технологии увеличила количество взаимодействий между правом на конфиденциальность (защиту права частной жизни), правом на защиту персональных данных, правом на равное обращение и недискриминацию, а использование цифровых технологий становится фактором наиболее существенных и очевидных рисков для них» [7, с. 137].

С точки зрения Л.Н. Васильевой, ведущего научного сотрудника отдела конституционного права ИСиСП, кандидата юридических наук, «развитие технологий искусственного интеллекта напрямую затрагивает цифровую идентичность людей – идентификацию человека в виртуальном пространстве по биометрическим данным (по лицу, голосу, походке, фигуре и т.п.), позволяющую достичь технологической точности в распознавании, превышающей физиологические возможности человека» [5, с. 96]. При этом, подчеркивает автор, «появление дополнительных идентификационных маркеров приводит к дальнейшему расширению классификационных групп граждан посредством алгоритмов искусственного интеллекта, направленных на выделение людей с общими характеристиками, предоставляемыми цифровым сервисам самими гражданами» [там же, с. 97]. Кроме того, эти характеристики могут быть собраны и вычислены посредством бесконтактного или даже скрытого наблюдения за людьми. Решения, основанные на данных, могут касаться как групп лиц, так и отдельных индивидуумов в этих группах. Одним из примеров этого, подчеркивает Л.Н. Васильева, является, как указано в докладе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве», ценовая дискриминация отдельных пользователей, основанная на возрасте, привычках или уровне дохода [там же].

Цифровая трансформация, ее формы и направления в первую очередь должны опираться на создание комфортной цифровой среды, исключающей разные формы дискриминации гражд-

дан – как скрытой, так и явной [8, с. 101]. Соответственно, со стороны государства корректируются порядок административного управления, права и обязанности субъектов, взаимодействующих в цифровой среде, происходит активное укрепление законности через ужесточение ответственности, расширение контроля за цифровыми процессами.

Риск-ориентированный подход, в современный период наблюдается практически во всех исследованиях связанных с внедрением цифровых технологий в контексте их взаимосвязи с правами человека. В части влияния цифровых технологий на права человека зачастую специалисты называют проблему нарушения конфиденциальности персональных данных. Л.К. Терещенко, главный научный сотрудник лаборатории правового регулирования информационных технологий и защиты информации ИЗиСП, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, подчеркивает, что, согласно действующему правовому регулированию, по общему правилу, субъект персональных данных должен дать согласие на их обработку (исключения законодательно определены). Однако сейчас установленный порядок все чаще нарушается, особенно в сети Интернет. Персональные данные собираются посредством файлов («куки»), IP-адресов, активно используются алгоритмы отслеживания действий пользователей, выявляются их предпочтения и т.д. Особенно наглядно это видно при использовании персональных данных для целенаправленной (таргетированной) рекламы, когда выявляется интерес пользователя к определенному вопросу или товару и на основе этого происходит навязывание соответствующих рекламных сообщений. Исходя из данных о поведении личности в сети Интернет проводится анализ посещений его страниц, выбора тех или иных товаров и услуг, выявляются предпочтения и формируется так называемый профиль пользователя, на основе которого последнему предоставляется целенаправленная реклама. Как видим, в данном случае для таргетированной рекламы неважны наши почтовый адрес, фамилия, имя, отчество (т.е. классические персональные данные), необходимы лишь предпочтения, покупательная способность – это тоже персональные данные, возможно, даже более личные, чем просто фамилия. Разумеется, на формирование профиля пользователя согласие никто не получает [8, с. 196].

В настоящее время активно развиваются различные информационные системы. В их числе государственная информационная система, которая позволяет распознать человека по данным изоб-

ражения его лица и (или) голоса – Единая биометрическая система (ЕБС).

Д.С. Запорожцев, главный специалист-эксперт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ обращает внимание на то, что «в современных условиях стоит задача, опираясь на созданную единую систему правового регулирования, превратить Единую биометрическую систему в глобальную систему идентификации граждан РФ, что позволит в значительной степени упростить и ускорить процессы предоставления государственных, банковских, страховых, медицинских, а также иных видов услуг физическим лицам. По его мнению, с позиции складывающихся условий, сформированных спецификой цифровизации, можно говорить, что законодательная база, определяющая использование биометрии, находится на начальной фазе своего становления. Правовым основанием для ускорения процессов правового регулирования в данной сфере, по мнению автора, является нарастание деструктивных процессов, связанных с киберпреступностью и неправомерностью использования персональных данных. По экспертной оценке, биометрические данные уже являются частью системы аутентификации пользователей. Ими предлагается оплачивать покупки, проезд на транспорте, при помощи биометрии можно входить в учетные записи. Прогнозируется, что за биометрией будущее, поскольку она представляет собой дополнительную аутентификацию, повышает надежность платежных систем и т.п. Однако, если биометрические данные получают учреждения или частные компании, они могут использовать информацию для наблюдения, отслеживания и контроля, тем самым нарушая конфиденциальность пользователя. Данная сфера, по мнению Д.С. Запорожцева, должна быть урегулирована и, соответственно, правовая база будет расширяться [3, с. 180].

На наш взгляд, к вышеуказанным рискам можно отнести использование биометрических персональных данных, а также создание биобанков и оцифрованных сведений о хранящихся в них биоматериалах.

Е.М. Байер, старший преподаватель кафедры международного права, юридический факультет СПбГУ, учитывая возникающие в этой сфере риски для прав человека обосновывает необходимость выделения поведенческой биометрии в отдельную группу персональных данных и разработки подходов к системе и принципам категоризации биометрических персональных данных на основании диверсификации рисков для прав человека. Это позволит

ввести необходимые ограничения, связанные с допустимостью более высокой степени патернализма со стороны государства, а также систематизировать административное, гражданское и уголовное законодательство в сфере биометрических персональных данных [1, с. 101–112].

Г.Б. Романовский, заведующий кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, отмечает дискриминационные риски, которые могут возникать при существовании генетического паспорта гражданина [6, с. 10–18]. По мнению ученого, это может привести к тому, что следующим шагом станет разделение граждан по группам, склонным к определенным заболеваниям, а после него последует разделение по потенциальному поведению. Последнее станет возможным, как только будет выявлена тесная связь между гено-типом и психотипом [там же, с. 15].

Ученые из Российского государственного университета правосудия (Северо-Западный филиал) В.А. Болдырев, профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, и К.Г. Сварчевский, заведующий кафедрой гражданского права, кандидат юридических наук, доцент, сосредоточивают внимание на хранении сведений о геноме человека, рисках разглашения охраняемой законом тайны и причинения существенного вреда интересам человека [2, с. 48]. По их мнению, социальные последствия широкого применения технологии молекулярно-генетического исследования, например, для подтверждения (опровержения) отцовства трудно прогнозируются. Отдаленные последствия повсеместного применения технологий исследований генома станут видны по мере смены поколений и способны привести к полному отрицанию необходимости в этой сфере строгих норм права и морали [там же, с. 53].

Направления развития взаимодействия цифровых технологий и прав человека

Многие ученые и практики обращают внимание на значимость вопроса создания и обеспечения эффективного и надежного механизма защиты прав человека в цифровой среде, отмечают необходимость развития и совершенствования следующих направлений:

– повышение *цифровой грамотности и цифровой культуры* посредством специализированных образовательных программ,

курсов, просветительских инициатив, направленных на безопасное использование технологий, наращивание критического мышления и защиты персональных данных;

– создание *нормативно-правовых основ*, в том числе в области посреднических цифровых платформ, принятие специальных законов;

– формирование *механизма защиты персональных данных* посредством ужесточения требований к локализации, обработке и трансграничной передаче данных, в том числе биометрических;

– совершенствование *правового института ответственности* и разработка действенных санкционных механизмов за нарушение прав пользователей, применение специальных процедур обжалования решений, нарушающих права человека в цифровой среде;

– разработка *комплекса мер цифровой безопасности* и внедрение стандартов защиты оборота данных и кибербезопасности непосредственно в архитектуру цифровых сервисов, усиление защиты от неправомерного распространения данных.

Заключение

Виртуальное пространство, цифровые платформы и искусственный интеллект – три элемента, которые активнее всего, с точки зрения правоведов, привлекают их внимание. В научной литературе, в том числе юридической, идет острая дискуссия о новых цифровых правах человека, их значимости для развития экономики, культуры, а также о рисках, таящихся в цифровых технологиях и алгоритмах, на которых они построены. Эти риски в цифровой среде требуют выработки правовых мер, способных, с одной стороны, разрешить правомерные ожидания граждан от цифровых инноваций и коммуникационных цифровых систем, обеспечивающих взаимодействие человека, общества и государства, с другой – создать надежный механизм защиты прав человека при их реализации.

На наш взгляд, установление принципа непосредственного государственного управления цифровыми технологиями, в том числе системами ИИ, масштабными хранилищами данных является ключевым шагом для обеспечения национальной безопасности и защиты персональных данных граждан.

Анализ научной юридической литературы позволяет отметить ряд позитивных тенденций. В их числе – расширение системы

прав человека, совершенствование механизма их защиты, а также формирование научно обоснованных теоретических положений, определяющих модели оптимального правового регулирования социальных отношений в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Байер Е.М. Поведенческая биометрия в системе биометрических персональных данных // Закон. – 2025. – № 9. – С. 101–112.
2. Болдырев В.А., Сварчевский К.Г. Эволюция технологий, правовых и моральных норм: последствия распространения молекулярно-генетических тестов на отцовство // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. – 2024. – № 1. – С. 30–54.
3. Запорожцев Д.С. Тенденции правового регулирования биометрической идентификации личности // Российский юридический журнал. – 2025. – № 5. – С. 174–182.
4. Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 949–962.
5. Право и виртуальное пространство: монография / Л.Н. Васильева, О.О. Журавлева, П.П. Кабытов [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – Москва: Проспект, 2025. – 176 с.
6. Романовский Г.Б. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях развития геномной медицины // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 5. – С. 10–18.
7. Талапина Э.В. Права человека в цифровом государственном управлении // Журнал российского права. – 2024. – № 9. – С. 137–149.
8. Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов [и др.]; отв. ред. Л.К. Терещенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – Москва: Инфотропик Медиа, 2025. – 244 с.
9. Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy, and the Rule of Law (Computational Intelligence Techniques) / Pushan Kumar Dutta, Bhupinder Singh, Vishal Jain, Christian Kaunert, Komal Vig. – Milton: Taylor & Francis Group, 2026. – 400 p.
10. Monti A. The Digital Rights Delusion: Humans, Machines and the Technology of Information. – Routledge, India, 2023. – 189 p.